

Реквием улитке

Кирилл Бенедиктов

Есть день, который с полным на то основанием может считаться моментом, когда модернизационная программа Советского Союза достигла своего пика.

Этот день — 15 ноября 1988 года, когда ракета-носитель «Энергия» вывела на орбиту космический корабль «Буран» — наш ответ американским «шаттлам». Ответ был гораздо круче вызова, потому что, в отличие от «шаттлов», «Буран» летал без экипажа, управляемый бортовым компьютером. В том числе, он садился в автоматическом режиме, чего ни один корабль в мире делать не умел.

Именно в этот день мы — СССР, русские, «советский народ» — реально были впереди всей планеты. Ни одна страна мира, включая наших вечных соперников США, не могла похвастаться такими достижениями в сфере освоения космоса.

Это был наш последний триумф.

В 1990 году работы по проекту «Буран-Энергия» были приостановлены, а спустя три года, после расстрела «Белого дома» и окончательного поворота страны в сторону «дикого капитализма», прекращены совсем. Так закончилась советская модернизация.

Вместе с ней завершилась и целая эпоха. Эпоха, когда идея покорения космоса, идея непрерывного прогресса, идея «новых рубежей», как постоянно действующего вызова — определяла сознание значительной части населения страны.

Атмосфера советской модернизации создавалась очень постепенно. Важной составляющей этого процесса была литература.

Это было время безоглядной веры в прогресс. Появившийся одновременно с выводом на орбиту спутника роман **Ивана Ефремова** «Туманность Андромеды» воспринимался как логичное продолжение реальных событий современности: сейчас запустили спутник, через несколько сотен

лет будем летать к другим звездам.

«Туманность Андромеды» — не имеющий прецедентов в русской литературе гимн социальному и техническому прогрессу. Написанный тяжелым, суховатым языком, далекий от психологизма текст открывал читателю сияющие перспективы великолепного будущего: торжества науки и техники, гармонии социальных отношений, своеобразной, но крайне привлекательной эстетики.

Советская культура во многом была культурой футуристической, культурой научного и технического прорыва, ориентированной не столько на настоящее, сколько на будущее. Этой культуре удалось невероятное — молодежь страны, в которой достать нормальные лезвия для бритвы было проблемой, а бытовая техника стран соцлагеря казалась настоящим чудом, искренне верила в то, что будущее принадлежит

При правильном подходе достаточно десяти тысяч идейных технократов, чтобы вытащить страну из той пропасти, в которую ее загнали несколько десятков поклонников поздних Стругацких.

ей. Причем не просто будущее, а будущее с городами на Марсе и кабинками для телепортации в качестве средства передвижения.

Во всяком случае, до определенного водораздела — верила.

Установить, в какой именно момент вера в прогресс уступила позиции усталому скептицизму (который, в конечном счете, сыграл роковую роль в крахе советского модернизационного проекта), довольно проблематично. Переход от описания благостных картин «Полдня, XXII века» к социальной сатире «Гадких лебедей» и «Улитки на склоне» у **братьев Стругацких** непосредственным образом связан с этим процессом.

Экономические реформы 1990-х годов представляли собой реализацию некоторых конструктов, содержащихся в произведениях АБС (и вряд ли случайно, что их основным демиургом стал зять старшего из братьев). При этом идея «вертикального прогресса» была, в общем-то, антагонистична идее модернизации — хотя бы потому, что модернизация задумывается как бы для всех, а **вертикальный прогресс по определению — для избранных.**

С этой точки зрения, катастрофа, случившаяся со страной в 1991 и последующие годы, означала крах советского модернизационного проекта, но при том — безусловную удачу «вертикального прогресса». Крохотное меньшинство бывших «советских людей» получило в полное распоряжение гигантские технические мощности, неисчерпаемые запасы сырья и бурные финансовые потоки. В одночасье эти люди превратились из

фарцовщиков, завлабов и секретарей комсомольских организаций в миллиардеров и политиков, вершащих судьбы страны. Чем, спрашивается, не «людены»?

Советский модернизационный проект был принесен в жертву, и эта жертва была осознанной. В будущем «люденов», героев «вертикального прогресса», не было места марсианским экспедициям и телепортационным кабинкам. Марс был им попросту не интересен, а телепортационная кабинка на фоне личного «Лирджета» выглядит блекло.

«Мы вскормлены пеплом великих побед» — пелось в популярной песне конце 1980-х. **С поколением, вскормленным пеплом великих по-**

ражений, говорить о модернизации сложно.

Но диалог необходим, и решающая роль в нем, похоже, вновь будет принадлежать культуре. Литература, кинематограф, интернет могут самым существенным образом повлиять на психологию молодежи. А от степени вовлеченности молодежи в процесс модернизации напрямую зависит ее судьба.

Первыми ласточками, возвещающими весну, стали книги **Максима Калашникова** (псевдоним Владимира Кучеренко), написанные на грани «нон-фикшн» и футуристической литературы. Первые книги Калашникова («Сломанный меч империи», «Битва за небеса») появились еще в конце 1990-х годов и воспринимались как реквием по погибшей «космической империи» СССР. В то же время, его последующие книги содержали в себе элементы стройной модернизационной программы. Широкую известность Калашников получил после публикации открытого письма президенту Дмитрию Медведеву с предложениями по инновационному развитию, написанному в качестве ответа на медведевскую статью «Россия, вперед!». Характерно, что Дмитрий Медведев поручил правительству РФ рассмотреть *«предложение российского гражданина Максима Калашникова»*, касающееся технологической модернизации экономики. Известно, что после этого поручения Калашников встречался с вице-премьером Сергеем Собяниным и заместителем главы администрации президента Владиславом Сурковым. В состав комиссии по модернизации и технологическому развитию Калашников не вошел, но обнародованные на днях планы создания российской «кремниевой долины» («территориально обособленного комплекса для развития исследований и разработок и коммерциализации их результатов») явно появились не без влияния концепций Калашникова о технологическом «футурополисе».

Робко начинает откликаться на вызовы времени и отечественная

литература — прежде всего, разумеется, фантастика. Еще в 2003 году история **Вячеслава Рыбакова** о русском изобретателе антигравитации, сумевшем поднять в воздух все тот же злосчастный «Буран» из Парка Горького (*«На будущий год в Москве»*) выглядела едкой сатирой на состояние науки в постсоветском обществе. Однако, в 2007 тот же Рыбаков сумел удивить читателя вполне правдоподобным сюжетом о том, как частная корпорация, финансируемая неким «хорошим миллионером», собрала «по зернышку» специалистов в области космических технологий, включая старых, советских еще, ученых и конструкторов, и начала реализовывать крупномасштабный проект по восстановлению космической отрасли. Сделано это было с тем, чтобы потом, *«ухватившись за это звеньишко, и всю экономику помаленьку вытянуть»* (роман «Звезда Полюнь»).

Весьма популярный ныне межавторский проект «Этногенез» начинается с описания «Зеленого города» — научного лагеря под

Нижним Новгородом, где живут, учатся и творят наиболее одаренные дети России.

Постепенно возвращает себе утраченные было позиции «твердая НФ», примером которой могут служить книги журналиста, специалиста по истории советской космонавтики **Антон Первушина**. Параллельно ослабевают интерес к фэнтези и эскапистской литературе вообще (это видно по динамике тиражей).

Этого, разумеется, не просто мало, а чудовищно мало. При повсеместном падении уровня образования, при драматически низком интересе к техническим специальностям, при повсеместном вытеснении книги домашними кинотеатрами и компьютерными играми. Но, при всем этом, возрождение футуристической культуры — единственная наша надежда.

При правильном подходе достаточно **десяти тысяч идейных технократов, чтобы вытащить страну из той пропасти, в которую ее загнали несколько десятков поклонников поздних Стругацких.** ■